

НАША СТРАНА

Editor: JUAN SOLONEVITSCH

Casilla Correo 2847

Buenos Aires

"NUESTRO PAÍS"

Órgano Monárquico Ruso

AÑO I.

Buenos Aires, Sábado 18 de Septiembre de 1948.

No. 1.

ВОСЕМЬ ЛЕТ

Двенадцать лет тому назад в Софии начала выходить газета "Голос России", которой суждено было произвестись в эмиграции, но одним мнениям, — "эпоху," — по другим, только скандал. Последнее мнение было, кажется, преобладающим. Этот всеэмигрантский скандал НКВД попыталось ликвидировать обмой З-го февраля 1938 года. Другие люди пытались ликвидировать его другими способами. Я только что просмотрел мои собственные издания 1936—1940 года. Скандал они причинили, повидимому, вполне достаточный: "Социалистический Вестник" называл меня "кандидатом в русские Гебельсы", мечтавшим о никогда не существовавших временах царя-Гороха. Орган упомянутого царя — белградский "Царский Вестник" с редкой изысканностью: "Солоневич может быть и не агент ГПУ, но он хам и подлец". Основатель сегодняшней солидаристской партии проф. Георгиевский называл меня поочередно то агентом ГПУ, то агентом Гестапо. И все обещал "представить документы". Я не знаю, где сейчас находится проф. Георгиевский. Информированные люди говорят, что в СССР.

Американский "New York Journal" (от 18-4-38 года), писал, что в моих книгах советский ад был покланян "временами с силой Льва Толстого или Виктора Гюго", а польская пресса скромно и деловито заявила, что я агент ГПУ и, кроме того, заядлый враг независимой Польши. Немецкая партийная пресса юсвящала мне ценные полосы, обзываая меня врагом Германии и "Judenfreund", что в переводе на истинно русский язык звучит, как "шабесгой". А наши социалдемократы уже во время войны — объявили меня правой рукой Гебельса. Так создается слава мира...

Эта вот слава имеет некоторые социологические объяснения. Очень вероятно, что "Голос России" и возникшее вокруг него "штабескапитанско движение" представляло собой: наибольшую угрозу для эмигрантских партий и наименьший интерес для иностранных. Оно, тогда еще кустарно и беспомощно, пыталось противостоять русскую национальную традицию в ее ким попыткам ее эксплуатировать или ее разрушать. Русская национальная традиция — туманно и инстинктивно — разделяется большинством русской эмиграции. Теперь я могу утверждать, что так же туманно и еще более инстинктивно она разделяется каким-то очень значительным большинством русского народа — если в попытке этого народа не включать профессиональных представителей советской бюрократии. Победа традиций — "за Веру, Царя и Отечество" — обозначала бы ликвидацию очень многих эмигрантских пар-

тий — как самых правых, так и самых левых — ибо эта традиция всегда была народной, можно было бы сказать "рабоче-крестьянской" и "демократической", — если бы последние два термина не были так застасканы на толкучках современной политики. Но национальная традиция предполагала сильную Россию. Сильной России за грацией не хотел никто. Но крайней мере сильной Белой России. Они получили сильную, но красную. Сильная Белая Россия обозначала бы мир мировой. Сильная красная обозначает атомную войну, которая еще вовсе неизвестна, чем и кончится.

В исходе второй мировой войны я был убежден абсолютно. В моих докладах в Германии — на немецком языке — на которые собирались до десятка тысяч слушателей, я дипломатически предупреждал немцев:

"Несмотря на все ужасы советской революции, несмотря на потрясающие потери и нужду, русский народ не сломлен и не обессилен... Эта гигантская борьба выковала народ невероятного упорства и жизнеспособности" (цитирую по "Голосу России" от 9 авг. 1938 г.). Для наших читателей я давал другую, менее дипломатическую формулировку "пораженчества" и "оборончества":

"За разумную цену освобождения от большевизма русский народ скажет спасибо, за неразумную — морду набьет".

Это определило и мои призывы к эмиграции: "не лезьте в чужую нам войну, берегите свои шкуры — они еще пригодятся России". Сам я тоже не полез.

Оправдались и мой прогнозы о внутреннем развитии в СССР: никакая эволюция технически невозможна, гибель старой гвардии техничес-

Cuántas esperanzas, cuánto cariño, despierta este nombre en todo el mundo hoy.

La última isla de la paz, el último baluarte donde rige el derecho y la moral sobre las bases Cristianas.

Argentina caballeresca, luchando supo conservar el respeto al ser humano, sabiamente gobernada, supo ponerse al margen del torbellino de locura, que vive el mundo de hoy.

La Argentina en contraste con los demás no ha negociado con almas y sangre humana, tiene sus manos limpias, no tomó parte de los bestiales juicios y purgas a los cuales es sometido medio mundo.

La Argentina, que en el mundo enloquecido de odios y rencores, ha seguido su camino propio de justicia en defensa de la civilización Cristiana.

Argentina noble, que ha permitido a miles y miles de desdichados a venir y recuperar la dignidad en el trabajo libre y gozar de días y noches sin temor, sin hambre.

Este periódico se trasladó a la generosa tierra ésta, por saber, por sentir de que en la Argentina encontrará el campo propio para su predica de la verdad y para despertar siempre los sentimientos nobles — Cristianos.

¡VIVA LA ARGENTINA!

ки неизбежна, на ее место подымается тот слой, который в своих книгах я называл "молодой сволочью", — и всякое стalinское затирывание с "нацией", с церковью и прочим — будет только очередным обманом.

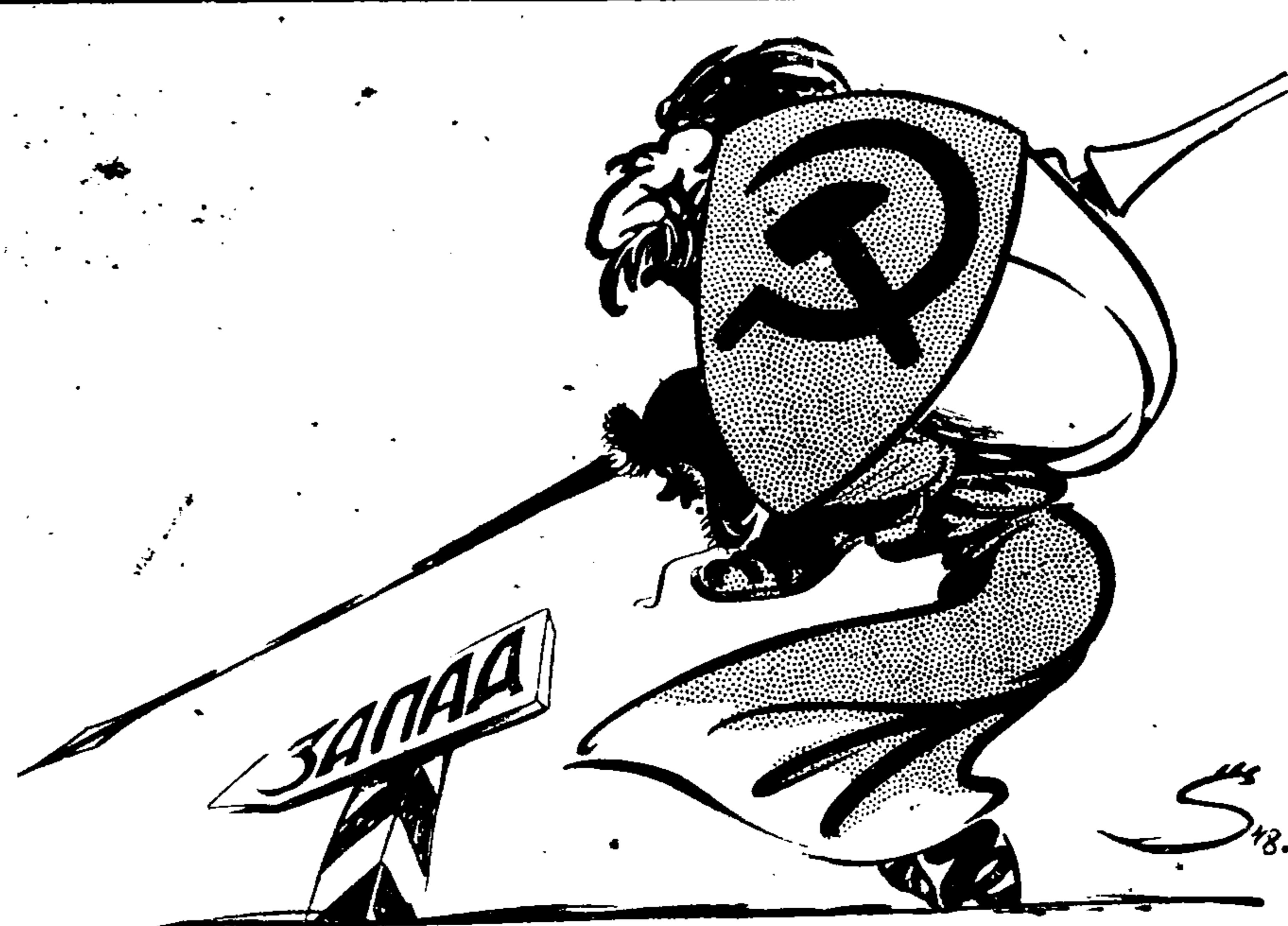
В общем — мои предвидения оправдались процентов этак на девяносто. Десять процентов провала объясняются, главным образом тем обстоятельством, что по тем временам я еще не отдавал себе ясного отчета во всей мощи нашей европейской философии, социологии, геополитики, историографии и прочих таких наук: те ошибаются на все сто. Вот именно это я и не предполагал. Теперь я это знаю.

Огромной ошибкой оказался переход в Германию — после софийского взрыва. Или, точнее, оказался бы, если бы у меня был хоть какой-либо иной выбор. Но все-таки: Германия мне казалась "бронетвером против большевизма", цитаделью культуры и прочим в этом роде. Потом я разгово-

ривал со всячими гливами немецко-интеллигенции. Кое-как я вкунал плоды немецкой философии. И довольно близко наблюдал, как из однажды плодов вырастают совершенно одинаковые осины — вот вроде той, на которой повесился товарищ Чуда.

Сейчас в 1948 году мы все начинаем забывать. Из пустого в порожнее переливаются соображения о германских "ошибках" на востоке, а пресловутый нюренбергский процесс был технически организован так, чтобы пресловутые немецкие зверства люди забыли возможно скорее. Я провел в Германии десять лет. Я имею некоторое право на утверждение такого рода: немецкий народ — крестьяне, ремесленники, лавочники (пролетариата я не знал) воины не хотели, защищать Россию не желали никак и о "немецких зверствах" знали еще меньше, чем я в свое время в Москве 1932 года знал о соловецких. И взваливать на шею немецкого народа зверства немецкой философии было бы так же справедливо, как взваливать на шею русского — зверства русской.

Коммунисты действовали на основании классовой философии — нацисты на основании расовой. Сейчас на повестку дня поставлен вопрос о советских зверствах и снят вопрос о немецких, — а именно они предупредили разгром Германии и наше нынешнее положение. Миллионы русских пленных — которые не были пленены — они были, так сказать, политическими эмигрантами — были расстреляны, убиты голodom, изуродованы истинно бесчеловечным отношением к "ниже" роде. Высшая раса раса в лице своей философии обоснованной и научно организованной партии, делающей учения, от которых настине войны лыбом встают. В Берлине в 1942 году

Не Ваняга! На Западе добудем припряжку!

два немецких СС — из русских немцев, — в присутствии моем и ген. В. В. Бискупского написали, подписали и клятвенно заверили свои свидетельские показания об истреблении евреев в Польше. Потом они оба покончили самоубийством. Их показания вероятно погибли вместе с ген. Бискупским. Я не буду приводить их. Но там была и такая сценка:

Несколько сот еврейских детей подлежали истреблению паром, довольно обычной в наш просвещенный век методикой, утверждения истинной философии. Несколько необычных штирихов в данной процедуре заключалася в том, что температура пара была настолько рассчитана, и что детей сварили не слишком быстро. Да еще и в том, что в силу каких-то технических неполадок кое-кому из них удалось вырваться, — их ловили и доваривали... Потом — наступила очередь немецких детей. Например, в Гамбурге — во время бомбардировки города фосфорными бомбами: ребятишки вырывались из подвалов, бегали и горели — бегали и горели — пока не переставали бегать... О судьбах русских беспризорников русский читатель осведомлен.

Более тридцати лет тому назад мы переживали первую мировую войну. Эту войну в самом основном вели два реакционнейшие правительства мира — Вильгельм Второй и Николай Второй. Война была большая, основательная война. Но тогда, при этих кровавых монархах, солдат бился против солдата — и никаких детей не варили, не жарили и не сжигали. Это было, конечно, реакцией. Теперь мы живем, как вы вероятно и сами заметили, — в эпоху прогресса. Прогресса во всех направлениях. Стремительно несемся — на предельных скоростях современной техники, от реакционного суеверия Иисуса Христа к научному познанию по Карлу Марксу, Николаеву Бердяеву, Гегелю и Фихте, Сартру и даже, кажется, Левитскому. Есть среди нас и такие милые дяди, которые уже и сейчас, еще в эмиграции, готовят нам всем философски организованную персоналистско-автономистскую оптималистическую солидаристскую помесь из консерверии ОГПУ и Гестапо. На бульоне из наших детей, которые будут сварены или может быть сжарены во имя окончательной Единой Истины.

Жареных или даже вареных детей Карл Маркс нам не обещал, так же как не обещал и Гегель. Ничего подобного не обещал даже и Ленин. Но все это вытекает в том математически: философия — всякая философия — свергает Бога, мобилизует склонность, и склонность проделывает все то, чем мы все наслаждаемся в двадцатом веке после Рождества Христова и на тридцатых годах после свержения реакционных кровавых, и прочих режимов Романовых, Гогенцоллернов, Габсбургов и прочих. Не правда ли, какой у нас после всего этого прогресс?

Германская интеллигенция — в лице Гитлера — как и, паша в лице Ленина — действовали на строго научных основаниях: германская — по Гегелю и Фихте, Моммзену и Шпани, Шпенглеру и Розенбергу. Русская — на основании Белинского и Чернышевского, Михайловского и Добролюбова; Плеханова и Бердяева. Еврейская на смеси их всех вместе взятых — плюс Карл Маркс и Роза

Люксембург. И все это было спрощенным прогрессом и сплошной борьбой против сплошной реакции. Вот мы и прогрессируем... Одно из утешений заключается в том, что все эти люди путем так называемого “рассуждения от обратного” показывают нам Божье Бытие: жизнь без Бога оказывается технически невозможной.

Эта точка зрения как будто бы очень далека от текущей политики, от восточных ошибок Гитлера и от задач нашего движения. Нет, она не так далека, как кажется.

На советско-германском фронте 1941—1945 г.г. столкнулись два социализма, достигшие в двух великих странах полной и ничем не ограниченной власти. Конечно, Блюм называет германский социализм не настоящим социализмом, Гитлер называл так советский социализм. Гитлер и Сталин называли ненастоящим блумовский социализм, — кто их там разберет. И — какой смысл разбираться в сотне разновидностей одного только марксистского социализма? Оба эти социализма столкнули лбами два народа, которые воевали друг с другом не в первый раз и, вероятно, в 1941—1945 г. воевали не в последний. Я не верю ни в мир, обеспеченный Лигой Наций, ни в мир, обеспеченный ООН, ни даже в мир, обеспеченный атомной бомбой. Люди воевали, неопределенное количество тысяч лет и я не вижу никаких оснований для предположений, что в обозримом будущем м-р Трюгви Ли на свое жалование в 50.000 долларов в год обеспечит всем нам вполне благополучное и мирное житие. Вопрос, значит, не в войне или не только в войне.

Советский социализм поставил перед собою задачу “уничтожения классовых врагов”, вот вроде нас с вами. Немецкий социализм поставил себе несколько иную задачу: уничтожения расовых врагов — вот, тоже, вроде нас с вами. Мы с вами пока живы. Один из социализмов уже мертв. Другой пока еще жив — и угрожает уже не только нам с вами, но и всему миру. Мы с вами в борьбе против нашего социализма были бессильны. И так же оказались бессильными в борьбе двух социализмов. Русская эмиграция, как это ни странно, до сих пор не отметила того факта, что товарищ Гитлер в занятых областях России оставил почти в полной неприкосновенности тот же социалистический строй, который насаждал в СССР товарищ Сталин — и теперь товарищ Сталин организует в занятой им Германии приблизительно то же самое, что делается и на родине всех трудящихся. Если бы мы в схватке двух социалистических гадов приняли бы участие на любой стороне — то нас съел бы победивший гад — только и всего. И кроме того, если уж дело идет о гадах — то пусть уж русский гад сидит в Берлине, чем немецкий в Москве.

Вот эти то соображения определили нас не столько нейтралитет, сколько анашиб... Ни как нельзя сказать, чтобы из восьми летнего периода молчания и бездействия наше движение вышло бы, как в таких случаях принято говорить, “закаленным” и прочее в этом роде. Организации у нас и до войны, собственно, не было никакой. Во-первых, потому, что мы еще не успели ее создать, а, во-вторых, потому, что я решительно не видел: так что же стала делать эта организация, если бы мы ее и создали? Устраивать чаши чаю? Слать “пропа-

“На заколдованных путях”

О КНИГЕ ГЕН. А. ХОЛЬМСТОНА

Литература о второй мировой войне и сейчас уже огромна. Ее основной интерес заключается, главным образом, в том, что опыт второй мировой войны люди пытаются использовать для третьей. Трудно сказать, в какой степени это удается: ведь, вот, утверждал же Гитлер, что национальный опыт немцы изучили самым старательным образом — этот опыт, однако, не помог. Поможет ли опыт Гитлера?

В числе прочих книг по истории второй мировой войны книга ген. А. М. Хольмстона занимает совсем особое место: это, вероятно, первая книга, написанная немецким генералом и изданная без цензуры. Кроме того, ген. А. Хольмстон — русский по происхождению, занимавший ряд высоких постов, вплоть до командующего армией в конце войны, но, главное, прослуживший долгое время в генеральном штабе немецкой главной квартиры на восточном фронте, имеет возможность оценить восточный поход Германии более объективно, чем сделал бы это рядовой немецкий генерал, обычно очень далекий от того, что называется “политикой”. Теперь, конечно, даже и самые строевые генералы склонны рассматривать политику, по крайней мере, как цель войны, — но все дело то в том, что сейчас политика стала и средством войны — оружием, вероятно, еще более страшным, чем пресловутая атомная бомба. Ген. А. Хольмстон пишет о том, как самоубийственная политика Розенберга и Гитлера с их ра-

бистской теорией и прочим в этом роде, привела Германию к катастрофе 1945 года. Здесь для русского читателя не будет нового ничего. Но, вероятно, будет очень много нового для иностранного читателя, для которого книга А. Хольмстона и предназначена.

Однако, — в особенности для иностранного читателя, было бы лучше, если бы ген. А. Хольмстон внес бы несколько большую ясность в тот — очень путанный и с ходяческим комплекс, который называется сейчас советским патриотизмом. Это — очень сложный комплекс. На стр. 74 — ген. А. Хольмстон пишет так:

“В течение всего тридцатилетнего господства в России, советская система несомненно сумела заменить старую русскую любовь к родине чем-то новым. Этой системе удалось создать советско-русский патриотизм, который сковал в одно новое революционный дух и динамизм со старой русской исторической и биологической силой... При бесчисленных допросах советских пленных генералов, офицеров и солдат, при разговорах с советскими рабочими, крестьянами и интеллигентами, можно было установить, что среди них господствует большее или меньшее недовольство системой. Это недовольство пропорционально меньшие в высших слоях, постепенно повышаясь при переходе в низы и особенно сильно в крестьянстве... Однако, в общем, все они проникнуты новым советским патриотизмом и с гордостью говорят о дости-

гандистов” в СССР? Создаватьunterofficerские курсы? Теперь — у нас есть точки приложения наших сил: а) пропаганда среди иностранцев — вот в стиле нашей вкладки в первый номер газеты; б) так сказать “артельная обработка” Белой Империи — о чем я пишу в предисловии к этой книге и еще напишу в газете. Есть и еще кое-какие возможности — о них я пока в газете писать не буду. Но о некоторых возможностях следует написать сейчас же.

Дело заключается в том, что из новой эмиграции — о новой эмиграции я тоже буду писать — какое-то очень значительное количество, вероятно около 60—80%, настроено монархически — и именно в стиле нашего движения, — конечно, совершенно независимо от нашей “пропаганды”. В этом нет никакого сомнения. Современные русские массы делятся так: а) монархисты, б) солидаристы и в) коммунисты, — причем нужно отметить тот прискорбный факт, что программа солидаристов есть собственно программа коммунистическая. Или, по крайней мере, коллегиатическая. А русские массы и никакого колlettivизма не хотят — его хотят только бюрократия. Бюрократия имеет то преимущество, что она организована и что она охулки на руку не положит.

Однако, уже и сейчас наметился по крайней мере говор между несколькими монархическими организациями и мы, повидимому, начнем быстро и деловито вышибать бывших и будущих предконтактов из их политических и прочих позиций в эмиграции. Нам нужно будет доказывать СССР

— мы можем быть сумеем это доказать, что наша консервативная группировка является единственно и против социализма. И что СССР нет никакого смысла в добавление к социалистической Европе иметь еще не-социалистическую Россию. Плохо то, что для доказательства всего этого у нас очень мало времени и совершенно нет денег.

Но как бы то ни было — после почти десятка лет новых арестов и тюрем, лагеря и побегов — голода и страха, справок и удостоверений. (для нынешнего “выезда” из Британской зоны Германии нашей семье пришлось получить или “добыть” свыше 500 (пятьсот!) бумажек — еще один шаг на путях “прогресса человечества”), мы снова на какой-то почве: еще очень зыбкой почве, по вине непосредственного влияния той бюрократии, которая в СССР позывает себя коммунистами, в Третьем Райхе националь-социалистами, а в зонах называют себя демократами. Мне сейчас очень трудно было бы сказать: под какой из них было хуже. Но сейчас мне ясны вещи, которые не были ясны раньше, и в мою оценку роли русской монархии мне приходится внести весьма существенную поправку:

Без “Веры, Царя и Отечества” у нас в России ни при каком мыслимом случае не выйдет ничего. Но без русской монархии никогда ничего путного не выйдет и во всем мире. И мне хочется протянуть руку тем нашим друзьям, которые не умерли ни физически ни духовно: так давайте и дальше —

За Веру, Царя и Отечество!

жениях революции". (Курсив Ред.).

Итак: советский патриотизм, как таковой. Это — на странице 74. А на двенадцать — только двенадцать страниц дальше, тот же автор говорит:

“22 июня 1941 года германский Вермахт стоял против края сибирской армии (курсив ген. Хольмстона), которая на 80% состояла из недовольных коллективизацией, пролетаризированных крестьян... не имевших никакого желания защищать советскую систему... Благодаря террору и железной дисциплине политруков, красная армия не могла организовать никакого восстания, — но что она противопоставила советской системе свое пассивное сопротивление, видно из того факта, что в течение первых шести месяцев войны четыре миллиона русских ценных попали в немецкие руки и что в первый год войны не было даже и следов какого бы то ни было партизанского движения...

...Благодаря политике немецких комиссаров на востоке, красная армия проделала поворот. Это сейчас же сообразил Сталин и гениально использовал — введя старые царские традиции. И благодаря этому красный солдат превратился в русского солдата! (курсив ген. Х.)”.

Значит: где же, собственно, “советский патриотизм”, как таковой? Была армия, которая защищать советский режим не хотела. И была немецкая политика, которая превратила красного солдата — в русского солдата. Вероятно, русский читатель обо всем этом догадается сам. Но можно опасаться, что иностранный читатель нуждается в более обстоятельном объяснении того перелома от “красного” к “русскому”, который ни с каким советским патриотизмом и с “достижениями советской революции” не имеет ничего общего. Об этом следует писать именно потому, что иностранная общественная мысль очень склонна объединять понятия “русский” и “красный”. А, вдруг, САСШ так же успешно изучит опыт Гитлера, как Гитлер изучил опыт Наполеона?

Книга ген. А. Хольмстона в общем посвящена военной истории второй мировой войны и той “философии войны”, которую можно извлечь из восточного похода Гитлера. Здесь можно согласиться не со всем. Автор, как офицер генерального штаба, вероятно, имел в виду чисто военно-оперативную подготовку к летней кампании 1941 года — и не учел всей политически-хозяйственной стороны всего этого комплекса. На стр. 18 автор пишет, что “восточный поход был в малейших подробностях математически рассчитан и блестяще подготовлен”, — а на стр. 46 пишет, что немецкая разведка на восточном фронте провалилась по всей линии — ибо ее офицеры не имели никакого понятия ни о русской истории, ни о русской психологии, ни о русском языке. На стр. 57 сообщается о том, что немецкая армия оказалась без полуницубков, без теплого белья и так далее (по данным Геббельса — в первую зиму немцы потеряли замерзшими около 120 тысяч). Так что насчет “малейших подробностей” и “математического расчета” — можно и не согласиться.

Если армия остается без глаз и ушей — разведка есть глаза и уши армии — без рукавиц и теплого белья, то о “блестящей подготовке” говорить, пожалуй, и не стоит. Вопрос заключается в том, что немецкая армия одерживала победы над противником, по-

ка противник воевать не хотел. И перестала одерживать победы, когда противник захотел воевать. Но всей вероятности — вот эти пустяки и были самым важным уроком, который будущие генералы могли бы извлечь для будущей войны.

Об армии ген. А. Власова автор пишет очень скруто: “это был несомненно хороший солдат, но для своей новой военной и политической роли сирии в коем случае не дорос.” Блестяще рисуя остановку партизанской войны в России, — ген. А. Хольмстон очень коротко и очень суко дает свой профессиональный вывод о белорусской и украинской самостоятельности “к востоку от советско-польской границы 1939 года украинские и белорусские националистические идеи не имеют никаких корней — они живут только во всяких комитетах, которые растут, как грибы после дождя” (стр. 75)...

“Исторические факты — лучшее доказательство тому, что между Украиной и Белоруссией, с одной стороны, и Великороссией, с другой, никакой разницы нет”.

Именно на эту разницу ставили свою ставку и Вильгельм и Гитлер. И сейчас существует — по Ос瓦альду Шпенглеру — “пара печальных мечтателей”, которые болтаются по всяким контрразведкам — и готовят им судьбу немецкой. Для Германии даже казаки оказались отдельным народом. Ген. Хольмстон изумляется:

“казаки всегда стояли на первом месте в защите царского режима — это известно даже и Холливуду. Но немецкий министр восточных областей Альфред Розенберг ничего об этом не знал”.

О политике этого министра автор пишет так: “немецкие комиссары господствовали как Бог над завоеванной землей. Ни права ни справедливости не было... Их лозунг был: все брать и не давать ничего. Армия Власова, которая была организована исключительно в пропагандистских целях, не могла воевать под своим национальным знаменем, не могла носить своих национальных нарукавных знаков, хотя все это было позволено мелким балтийским народам и разным кавказским племенам”.

—И, вот, в результате всего этого — поворот от “красного солдата” к “русскому солдату” и партизанская война, которая, по свидетельству автора, “приобрела большое стратегическое влияние на все операции немецких армий на востоке”. Партизанская война “вызвала колossalный политический и хозяйственный хаос в немецком тылу”... “Ни один немецкий офицер и солдат не были уверены в своей жизни...” “Все тыловое сообщение было парализовано”... “Не только отдельные повозки, но и целые караваны подвергались нападению и уничтожению... Транспорты, шедшие под сильным конвоем, станции, мосты; все военные склады, все промышленные предприятия подвергались ежедневным нападениям, взрывались или поджигались... Немецкие полицейские силы были беспомощны. Были бессильны и немецкие регулярные войска”.

По тем отрывочным данным, которые имеются в распоряжении редакции, немецкие кровавые потери от партизанской войны — в два и даже в три раза превышали немецкие потери на фронте. Но, кажется, самое странное заключалось все-таки в том, что немецкий фронт был фактически

Зарубежная

Верхи и низы.

К тридцатилетней годовщине зверского убийства Царской Семьи, “Часовой” нашел в себе достаточно гражданского мужества для того, чтобы поставить некоторые точки над некоторыми “и”.

“Теперь... было бы смешно и недостойно нас ограничиваться лубочным изображением революции: уличный бунт в Петрограде, несколько десятков революционеров и давление на Государя со стороны небольшой группы членов Государственной Думы... Российская Монархия была несомненно больна. Ее подтачивали не только нелюбившие Россию иностранцы, но и наши собственные верхи. От Царя отвернулись в решительный час некоторые члены Династии, высшие генералы и чиновники, представители знати и земельного дворянства. Не было в мировой истории примера, чтобы тысячи людей, обласканных Царской Семьей и кушавшие из царских блюд, так бы малодушно бросили своего Монарха”.

Это — то положение, которое десять лет тому назад “Голос России” пытался довести, если и не до сознания, то, по крайней мере, до сведения русской эмиграции: монархию свергли не “низы” и не “массы”, а “верхи” и “элита”. Тогда это было воспринято, как “разложение”, как провокация и вообще — подрыв. Сейчас

это, постепенно, начинает становиться ясным: не “народ”, не “демос”, а интеллигенция во всем ее великолепии, вела и привела Россию и нас и, вместе с Россией и с нами, весь мир к тому положению, в каком мы с вами имеем честь пребывать в настоящее время — в середине XX века по Рождестве Христовом.

Очень жаль, что “Часовой” еще не успел отделаться еще от одного “лубочного изображения революции”:

“Лишняя верховной исторической власти... народная масса восприняла “свободу” как анархию и подготовила почву для прихода большевизма”.

Для организации в стране анархии достаточно одного процента ее населения. В русском случае этот один процент будет равен двум миллионам. Худая слава двух миллионов — “бежит”, а добрая слава остальных — “лежит”. Нельзя русскому журналу пускать и дальше по миру худую и незаслуженную славу об этих почти духах миллионах, проданных соними земельными и своими книжными верхами...

В огороде бузина.

Еще об одном, старом, почтенном и заезженном революционном лубке. Некто Ив. Херасков в парижском “Свободном Слове” говорит:

“Мы далеки от желания защищать бесповоротно осужденный самой историей старый российский сословно-приказной режим”.

Итак: осужден, бесповоротно и да-

отрезан от снабжения... Ген. А. Хольмстон пытается показать, что немецкий солдат воевал прекрасно. Вероятно, это даже и не требует доказательств: наступать от Варшавы до Волги и потом отступать от Волги до Берлина, и еще в Берлине вести страшную уличную войну — на это, конечно, способен не всякий. Чему остальных “всяких” научит опыт немецкого солдата?

Одна из основных военно-философских мыслей ген. А. Хольмстона заключается в предупреждении: немецкое командование, немецкое правительство и немецкая общественность в колоссальной степени переоценили значение техники в войне и в такой же степени недооценили значение “духа” — психологии, морали, воли и всего такого. Это, конечно, верно. И для нас это не ново. Можно опасаться, что для САСШ эта мысль будет нова. И что атомная психология заслонит довольно элементарные соображения о человеческой психологии вообще и о русской психологии в особенности. Немецкая контрразведка как оказывается, не имела об этой психологии никакого представления. А, ведь, немцы все-таки были нашими соседями. А — что будут знать американцы?

Книге ген. А. Хольмстона нужно быть, как об этом принято писать в отделе библиографии, — пожелать возможно широкого распространения, но одно добре пожелание еще ничего не дает. Русским людям за рубежом следовало бы активно помочь распространению этой книги среди иност-

ранцев. Это — очень нужная для нас книга. Написана она тем блестящим деловым языком, каким умеют писать очень культурные военные люди, привыкшие излагать факты, а не выдумывать теории. Но — при последующих изданиях этой книги, было бы хорошо, если бы ее автор внес основательные поправки в вопросы советского патриотизма, советского-русского патриотизма и просто русского патриотизма — все это разные вещи.

“САСШ, невзирая на их абсолютное военное и хозяйственное превосходство, только односторонне подготовлены к возможному конфликту, и тех колоссальных задач, которые история поставила перед ними после конца этой войны, — не додели. Они могут, следовательно, идти по старым заколдованным путям, снова бороться односторонне и в лучшем случае, повторить немецкие ошибки в еще большем масштабе”.

“В лучшем случае!” А что будет в худшем? Можно было бы предположить, что уже, глупее, чем действовали немцы — придумать было бы трудно. Ген. Хольмстон опасается, что САСШ придумают что-то еще худшее. Это мало вероятно. Но и простое повторение немецких ошибок приведет к простому повторению тех “заколдованных путей”, по которым люди шли к Москве и по которым они шли от Москвы до Варшавы, Парижа и Берлина. Вот именно поэтому точное определение советского патриотизма имеет сейчас гораздо большее значение, чем наполненные атомными бомбами летающие крепости.

бомбы, Сталин боится пропаганды, которая достигла бы всех уголков России и которая сказала бы правду об идеалах народа САСШ и о его желании разгромить диктатуру коммунистической партии... Сталин знает, что он не может поднять массы на войну против нации, которая хочет сильной, единой и свободной России".

А что становится, если Сталин сумеет поднять массы на войну против нации, которая НЕ захочет "сильной, единой и свободной России?" Будет ли в этом случае союзная авиация более действительной, чем она была в Германии в 1944 году? И что тогда останется: от союзников, от САСШ и — от нас с вами?

Этого вопроса А. Ф. Керенский не поставил — и вероятно не мог поставить. А именно от ответа на этот вопрос зависит в с.е.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Великое изобретение Иоанна Гутенберга сейчас организовано так, что мы, бессовесное стадо средних людей человечества, только слушайно можем узнать и установить факты и обстоятельства, от которых зависит жизнь нашей страны, наших детей и нас самих. Печатное слово, давным давно освобожденное от диктатуры совести — какой бы то ни было совести, — превратилось в истинно чудовищную машину по массовой продукции всякого вранья: идейного и партийного, классового и расового, философического и демагогического. Для современного печатного слова вовсе не обязательны: ни факты, ни логика. Оказывается, что только в Советском Союзе президенты и министры обладают вечной жизнью, что Ленин от рождения своего был то ли Цедербаумом, то ли Цыпировичем. Оказывается, с другой стороны, что английские "пролетарии всех стран" не желают работать в одних шахтах с польскими пролетариями тех же всех стран; что был вот этакий "составлено-приказной режим, который веками накопил "запас живых человеческих и подлинно человеческой свободы", что русскую монархию "свергли" во все не "народ", а "верхи", что при союзных воздушных налетах на гитлеровскую Германию — гитлеровская промышленность процветала как никогда в истории и что даже А. Ф. Керенки выступает за "единую Россию".

Дело заключается вот в чем: печатное слово врет на тысячах страниц, но провирается только в одной строчке — но именно эта строчка освещает все. Или, по крайней мере, освещает что-то. Та декламация, которую я привел из "Посева", приоровлена — и довольно точно — к бараньему уровню читательских способностей. Не будем скрывать: процесс национализации заводов и квартир очень быстро переходит в процесс баранизации человеческой мысли. Баранизованное человечество глотает любые воскликательные знаки, лишь бы они были посыпаны сахарином. Бескровная революция. Высшая раса. Невыразимо прекрасное будущее. Мощь союзной авиации. Сталинский рай в СССР. Великие принципы солидаризма. Бараны глотают — и попадают на шашлык. А, вместе с баранами, — попадаем и мы с вами — что уже, конечно, очень обидно.

Целый ряд решавших фак-

тов нашего прошлого и нашего настоящего мы можем узнать только слушайно — как случайны эти цитаты, которые приведены в этом обзоре печати. Так называемая редакция обращается ко всем будущим читателям с просьбой: присыпать ей вот такие случайные высказывания, сообщения, информацию и даже такие примеры истинно школьной логической последовательности, какими блещут наши Херасковы. "Наша Страна" был, есть и будет органически монархическим. Это, в частности, обозначает вот что.

Монархия есть "диктатура совести", — мы, окончно, говорим только о русской монархии и никак не собираемся вмешиваться во внутренние дела абиссинской. Отстаивая принцип "диктатуры совести", мы никак не можем прибегать к бессовестности. Та картина России, которую рисовали наши сеятели разумного, доброго-но, даст Бог, все-таки вечного, — есть результат столетней бессовестности. Эта столетняя бессовестность получила хождение по всему миру в качестве истинно научной валюты. Товарищ Херасков говорит о "составлено-приказном режиме" и м-р Эттли (первомайская речь 1948 года) в сущности повторяет слова товарища Хераскова: русскому народу всегда был свойственен полицейский режим. Товарищ Шумахер, повторяя слова товарищей Хераскова и Бердяева — говорит о "тоталитарном духе русского народа". Товарищ Розенберг списывает с товарища Горького литературные упражнения по поводу "кочевой монгольской крови" и по поводу немцев, построивших Российскую Империю. Немецкая печать 1948 года захлебывается от бердяевских разоблачений "русского империализма", реализуемого Сталиным: вот, не дали нам покончить с этой белой или красной, но все равно тюрьмой народов"... Товарищ Е. Кускова — она же и мадам — пи-

шет, что русский народ всегда стоял за большевизм — то есть за ВЧК, ОГПУ — НКВД, коллективизацию и концлагеря.

Всего этого мы, так сказать, "добились собственной рукой", рукой нашего бывшего правящего слоя, — по преимуществу руками русской писущей интеллигенции. Это она вымазала нас дегтем и сажей. И мы скрываем негодуем: почему это иностранцам мы кажемся такими черненьными? А — как же иначе?

Сейчас товарищ — она же и мадам Кускова проводирует САСШ на войну против русского народа. Не хитро догадаться о том, что товарищи — они же миллионеры Горькие, провоцировали и Вильгельма и Гитлера на наведение немецких порядков на территориях тараканых странствований русского народа. Не хитро сообразить также и то, что вся наша "сумма философии" сейчас провоцирует весь мир на то, чтобы со всеми этими тараканами, сословно-приказными, монголо-византийскими, тоталитарно-рабскими и завоевательно-насильническими историями покончить, наконец, раз навсегда то ли атомной бомбой, то ли политикой удушения. Но ведь эта же "сумма философии" провоцировала нашу интеллигию на свержение "тюрьмы народов" во имя — ну, мы уже знаем во имя чего.

Наше штабс-капитанско положение было бы совсем отчаянным, — если бы не тот факт, что "сумма философии" надела, кажется, всем. Что, сквозь буйные заросли всех этих "сумм" пробиваются такие колющие факты, которых не может замазать никакая философия мира. Или, иначе, что человечество — в какой-то еще не баранизированной его части — хочет, наконец, знать простые, голые, философски необработанные факты. Помогите нам эти факты собирать...

Кап. П. Н. Б.

Последние дни РОА

Та цепь поражений, которая охватила немцев в конце 1944 и начале 1945 г. заставила их ускорить формирование русских частей во главе с ген. А. А. Власовым: 11 февраля 1945 г. в лагерях Мюнцингера русские части, бывшие под командованием немецкого генерала добровольческих войск Кестинга, передавались под командование ген. Власова, который был объявлен Главнокомандующим Русской Освободительной Армии. Рано утром части первой дивизии — окончательно укомплектованной и довольно хорошо вооруженной, казачьи сотни, пулеметные тачанки, танковое отделение из захваченных советских танков "Т-34" выстроились на большом поле у лагеря. После молебна, рядом с немецким флагом был поднят под звуки "Коль Славен" и русский. Оба генерала — Кестинг и Власов, — обратились к войскам с речами об историческом моменте, рождении русской национальной армии. После парада, ген. Власов сошел с трибуны и вошел в гущу солдат, желавших поближе увидеть своего главнокомандующего. Возвышаясь на голову надо всеми, улыбаясь и отвечая на вопросы, ген. Власов медленно шел сквозь солдатскую массу. Я был почти рядом и видел, как окружающие солдаты хотели хотя бы дотронуться

до своего командира... Тогда никому не хотелось верить в то, что все это было уже слишком поздно...

В следующие дни новые эшелоны привозили в лагерь все новые и новые массы добровольцев РОА — голодных, истощенных, оборванных. Шло непрерывное обучение офицерской школы, к весне 1945 года выпустившей достаточное количество офицеров для формирования 3-ей и 4-й дивизии. Люди стекались со всех уже очищенных немцами областей. Немцы всячески тормозили снабжение вновь прибывающих, тем не менее был создан и лагерь для штаских людей и семей офицеров. Англо-американские воздушные налеты все усиливались, железные дороги почти не работали, и люди приходили уже пешком.

Из бывших пленных были наспех сформированы части 2-ой дивизии и запасной бригады. Немцы и тут старались срывать вооружение этих частей. Наши доводы на них не действовали. Положение еще больше обострялось, когда среди офицеров и солдат РОА был раскрыт заговор, который имел целью поднять восстание против командования и идти на соединение с союзниками. Это последнее обстоятельство заставило немцев ускорить вывод РОА из Мюнцингера.

БРАК ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА КИРИЛЛОВИЧА

В русских газетах Западной Германии появилась заметка об отречении В. К. Владимира Кирилловича от его прав на Российской Императорский престол. По этому поводу наш сотрудник обратился за разъяснениями к Председателю Выс. Монархического Совета П. В. Скаржинскому. П. В. Скаржинский категорически опроверг слухи об отречении и мотивировку этих слухов бракосочетанием Великого Князя с дочерью кн. Георгия Александровича Багратион-Мухранского, Леонидой Георгиевной.

Этот брак, по мнению ВМС, если и не вполне отвечает некоторым формальным требованиям старых русских законов, то ни в какой степени не может задеть прав В. К. на престол. Вопрос может быть поставлен только о правах потомства от этого брака — но это дело будущего. Тем более, что в нашей истории уже были примеры морганатических браков: так Александр 2-ой был женат вторым браком на княжне Долгорукой, а Николай 2-ой отрекся от престола, передав его своему брату В. К. Михаилу Александровичу, женившему морганатическим браком.

В заключение беседы, П. В. Скаржинский сообщил, что В. К. Владимир Кириллович получил по поводу своего бракосочетания множество приветствий со всех стран русского рассеяния и что если в интеллигентских кругах этот брак вызвал различные суждения, то в широких народных низах вызвал удовлетворение, как брак на русской и православной.

Борзенский.

Со следующего номера "Нашей Страны" начинает печататься книга ген. А. Хольмстона "На Заколдованных Путях", в переводе на русский язык самого автора.

В середине апреля частям было дано приказ двинуться на восток. В это время части первой дивизии уже сражались на фронте р. Одер. По дороге от Мюнцингера эта дивизия увеличилась почти втрое за счет русских солдат и офицеров, бежавших к ней из немецких частей. Из Мюнцингера вышли части 2-ой дивизии, совсем слабо вооруженные, запасная бригада — в таком же состоянии, офицерская школа, штаб и пр. Двигались ночью. Вместе с армией шло огромное количество русских беженцев. Все это шло пешком.

В первых числах мая штаб уже находился в гор. Фрейштадте. Ген. Власов решил не заходить далеко на восток, а ждать здесь прихода 1-ой дивизии. В штабе были планы идти на юг, в горы, на соединение с партизанами Драге Михайлова, который к этому очень стремился. Были и возражения против такого плана: многие боялись остаться без немецкого снабжения. Немцы требовали, чтобы РОА шла в Чехию в распоряжение ген. Франка. Но все наши части были так разрознены во время этого марша, что штабы не могли уже направлять их движение.

Наше положение становилось все более и более критическим. С запада очень быстро шли американские танки, с востока приближались большие

вики. На заседании штаба под начальством ген. Трухина решено было послать парламентеров к американцам, чтобы найти хоть какой-нибудь выход и чтобы дать частям, почти не вооруженным, возможность уйти из под удара советов. Эти переговоры должны были вестись с тайного согласия немецкого полковника ген. штаба Херре. Для этой миссии г. Трухин отправил ген.-майора Азбергера, полк. Познякова с его супругой в качестве переводчицы и капитана В. — автора настоящей статьи.

4 мая вечером мы выехали на авто из Фрайштадта. Нам много пришлось колесить в поисках американцев, временами мы производили пешую разведку — было бы очень опасно, если бы наткнулись на немецкие войска. Наконец мы попали в деревню Леопольден, всю увенчанную белыми флагами и находившуюся в распоряжении недавних пленных — французов. Те указали нам направление.

Ехали мы очень медленно и под белым флагом. За деревней уже стояли американские танки. Нас окружили американские солдаты, сняли с нас пистолеты, автоматы — с меня даже и часы, которые, впрочем, потом были возвращены... Нас провели в дом, где вполовину еще спали американцы. Один из них встал, и потягиваясь стал расспрашивать, кто мы такие и что нам нужно. Напих объяснений — что мы не немцы, а русские — он никак не мог понять. Когда же ему объяснили, что мы являемся представителями 150.000 армии и что мы хотим направиться к американскому командованию для переговоров, он вскочил на машину и предложил нам следовать за ним.

Мы прибыли в штаб полка, а оттуда — уже в сопровождении танков с зенитками и пулеметами, были направлены в штаб 11-й танковой дивизии. Там нас обступили американцы и сразу начали снимать на кино-плёнку. Через некоторое время нас принял ген. Декар, начальник этой дивизии.

Ген. Азбергер объяснил, кто мы и зачем мы прибыли. Он подчеркнул, что мы никогда не воевали против союзников и не считаем их своими врагами, что мы боролись только против большевиков, и что мы шли с немцами только потому, что другого выхода у нас не было.

Ген. Декар выслушав все и получив напечатанные в штабе РОА письменные объяснения от имени ген. Власова и комитета, сказал, что все это будет немедленно передано ген. Паттону, командовавшему З-й армией, и что ответ будет через несколько часов. В ожидании ответа мы были приглашены к обеду, который был очень обильен.

При штабе 11-й дивизии оказался сын русского эмигранта, — ст. лейтенант Александр Бабок. По-русски он говорил с большим акцентом, был очень приветлив и разговорчив. Нина Сергеевна Познякова много говорила о настоящем лице большевиков, которые рано или поздно все-таки всадят американцам нож в спину. За обедом нас обслуживали чехи, служившие в американской армии. Только позже мы выяснили, что эти чехи уже знали по радио, что наша 1-ая дивизия под командой ген. А. Власова выбила немцев из Праги. Американцы интересовались нашей формой — моими аксельбантами, погонами, но наши разговоры о большевиках их, видимо, интересовали очень мало.

Настроение в штабе было приподнятое — война пришла к победоносному концу, — лица были веселыми, смеялись шутки, радио передавало глашание союзных наций. Мы сидели мрачно и ожидали решения нашей участии...

Наши предчувствия нас не обманули. Ген. Декар пригласил нас в свой кабинет и в присутствии всего штаба передал нам отпечатанные условия нашей сдачи. Но на самый главный вопрос — на нашу просьбу не выдавать нас большевикам — письменного ответа не было. Устный ответ был уклончивым.

Американцы принимали РОА, как сдавшихся в плен. На роту оставлялось по 10 винтовок. Офицеры, впрочем, оставались при оружии. Нам был дан срок в 36 часов, в течение которого в штаб 11-й дивизии должны прибыть девять наших офицеров для окончательной сдачи наших частей. В течение этих 36 часов американцы прекращают всякие военные действия против нас. Никакой гарантии о нашей дальнейшей судьбе дано не было: эта судьба будет решаться в Вашингтоне политиками...

Гн. Азбергер еще раз пытался объяснить ген. Декару, что мы являемся их друзьями, а не врагами, — по на это последовал прежний ответ и переговоры были кончены. Нас обратно конвоировала военная полиция и нам даже было возвращено наше оружие, правда, не наши прекрасные пистолеты, а какое-то старье ковбойского обрата.

Пока мы сидели у ген. Декара, к нашему шоферу подходил какой-то русский в американской форме и все рассказывал о нас и о цели нашего прибытия — но шофер ничего ему не сказал. Потом из разговора с лейт. Бабоком я узнал, что при американском штабе находился советский полковник — который и высирал наше шофера. От лейт. Бабока мне удалось кое-что узнать: он говорил, что для них, американцев, главное, чтобы против них не воевали — а кто, куда и как пойдет в плен — это их не интересует...

С нашим штабом мы соединились уже в Чехии. В штабе нас ждали с нетерпением. Условия были прочитаны и произвели удручающее впечатление. Ген. Трухин решил немедленно выехать с докладом к ген. Власову. Мы ожидали прибытия ген. Боярского, который находился у ген. Власова и должен был вернуться каждый момент... Но его мы так и не дождались: по дороге он попал в руки советских партизан и был повешен вместе со своим адъютантом и своей охраной.

Там же попался и ген. Трухин. Только впоследствии от его адъютанта А. Ромашкина мы узнали, что около г. Будвейса он тоже попал к советским партизанам, посажен в подвал, допрашивался советским комиссаром и был снова посажен в подвал. Утром проходили наши части полк. Сахарова: партизаны ушли и увезли ген. Трухина с собой. А Ромашкину удалось спастись только чудом. Нашли пойски ген. Трухина были напрасны. А. Ромашкин впал на комиссара и его помощнике полевые сумки ген. Боярского и его адъютанта.

В штабе было полное замешательство. С ген. Власовым никакой связи не было. Уехавшие генераы тоже не возвращались. Срок в 36 часов исте-

кал. Девять офицеров были отосланы для окончательной сдачи частей.

Среди офицеров и солдат, как всегда в таких случаях — ходили всякие слухи и высказывались всякие сообщения. Здесь ярко выдвинулся представитель НТСНП (солидаристов), которые начали вести в частях пропаганду за то, чтобы как можно большей массой перейти к американцам и чтобы вообще держаться вместе. При штабе РОА было довольно большое количество солидаристов — главным образом женщины: переводчиц, машинистов и т. д. Начальник секретариата ген. Трухина был кан. Шейко, тоже член НТСНП. Ген. Менандров находился под их сильным влиянием.

Когда я прибыл от американцев, ко мне приходили офицеры разных частей и я всем им говорил, что нужно стараться в плен не идти, повторяя предупреждения лейт. Бабока и указывая на то, что никакой гарантии нам не дано и что наша судьба никого не интересует. При одном из таких разговоров присутствовал полк. Белай, который приближался к нашей группе полк. Грачева, тоже члена НТСНП, просил наш разговор прервать.

Настоящая фамилия кан. Шейко была Шалейко — он был сыном советского адмирала Шалейко в то время командовавшего Черноморским флотом. Кан. Шейко предложил посадить наши лучшие части на грузовики, которые по его словам дают ему чешские партизаны, и пробиваться к ген. Власову. Это предложение было встречено молчком. Полк. Белай сказал мне, что он совершенно согласен со мной, что он переоденет свою часть в пилотажное платье и уйдет с ней в лес.

Я несколько раз обращался к кан. Шейко — у которого были бланки-документы для "остарбайтеров" — раздать их тем, кто не хочет идти в плен — в том числе и мне. На это кан. Шейко сказал, что тот, кто уходит в лес, является дезертиром. Так мы этих документов и не получили...

Переходное время было в частности использовано на добычу выживки. У вокзала находились склады со всем возможными папиросами — их на машинах подвозили к штабу и все это раздавалось и распивалось, "чтобы забыться". Все партийные работники НТСНП организовывали маленькие митинги, и кричали о том, что у них с американцами уже все налажено, что нужно держаться всей массой и доказать свою идеиность. Поведение ген. Менандрова было тем более странным, что все условия нашей сдачи он знал хорошо. Ко мне приезжали посыльные из офицерской школы, где у меня было несколько личных друзей. Я им советовал то же самое: переодеваться в штатское и небольшими группами уходить на юг — и как можно скорее. Если эти факты нуждаются в свидетелях, то эти свидетели есть налицо — именно те люди, которым я тогда давал эти советы.

Оправдались и наши подозрения по поводу советского полковника, состоявшего при штабе 11-й дивизии. По расчетам американцев — скорость движения советских войск давала нам вполне достаточно времени, чтобы дать возможность нашим частям перейти намеченную американцами демаркационную линию — Кромау — Коплин — Фрайштадт — Линц. Но советы неожиданно ускорили свое наступление. Советы настигли части 1-ой дивизии, 2-ой ди-

НАША СТРАНА

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

"НАШЕЙ СТРАНЫ"

Американская зона:

Николай Запорожцев,
Alemania: Munich, Bogenhausen, Wasr
serburgerstr. 29.

Британская зона:

Федор Зейберлих

Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 69.
Англия. Владимир Барачевский
33 Alder Grove. London NW2.

Grecia: Mr. D. Filatoff,

Athènes.

Italia: Rodionoff. vía Ugo Bassi 42.
Roma 44 y Novikov, via Bazzini, 37.
Milano.

Francia: "Kama", 27, rue de Villiers
Neuilly s'Seine, Seine.

1. Comestibles J. Rostovtzeff, 28, rue
de la Reine Blanche XIII.
2. Bibliothéque Mayak, 3 rue Laugier
XVII.

3. Kiosque, 7, Bd. St.-Michel V.

4. Librairie Znanié, 228, rue Lecourbe
XV.

5. 32, rue de la Croix-Nivert Paris XV
Alimentation O' Avakianz.

6. Librairie "Victoire", 73, rue de la
Victoire IX.

Nice — N. Chapovalenko, 26, rue de
Chateauneuf.

China: M' A. Klushkin, 175 Soochow
Road. Shanghai.

Japón: Mr. Saljaev, Nakabayashi Building
Nº 5. 1—Chome, Uchisaiwaicho,
Kojimachi-Ku, Tokyo, Japan.

Irán: L'agence des livres et journaux
russes, N. Souprotivny, Teheran Serai
Sepah 7 Sallare Nº 30 — Iran.

America del Norte:

Canadá: G. Malycheff, 1530 W 7 Ave.
Vancouver B. C.

Estados Unidos: Michael M. Zolota rev.
180 Claremont Ave. New York City.
USA.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolf ave.
San Rafael, Calif. USA.

Mich. Novash 103, ave. "A" — New
York 3. USA.

America del Sur:

Brasil: A. Гавленко, Caixa posta 2784,
Sao Paulo.

Paraguay: Tijonovich, Calle Montevideo
496 — Asunción.

Perú: Dr. Koroteeff, Oroya.

Uruguay: Sr. Lyssak, Russki Nacionalni
ni Dom. Calle Cerro Largo, 1807 —
Montevideo.

Chile: A. Lenchevsky, Calle Carmen 124
Santiago de Chile.

Africa:

Tunes: Mr. Rycoff, rue d'Espagne.
Maison Paul. Bizerte.

Egipto: "La Bibliothèque Russe", 7, rue
Ghirma Ibrahimieh, Alexandrie.

визии запасной бригады — началась резня. Нач. 2-ой дивизии ген. Зверев застрелился. Все, кто мог и кто успел, бросились на юг и на запад. Американцы свинцом загоняли наших к советам — или сажали на машины и передавали тем же советам. Те, кто сумел попасть в плен к американцам — пережили, может быть, еще более ужасную трагедию Плантига, Дахау, Ландсгута, Бад-Айблинга...

(Продолжение следует).

Внимание

Статья вкладыш — "К здравому смыслу делового народа" — в переводе ее на английский язык — рассылается в количестве трех-пяти экземпляров каждому из наших старых подписчиков в странах английского языка. Ее нужно — всеми доступными способами проталкивать в заросли общественного мнения: носить в редакции газет, предлагать журналистам, парламентариям, профсоюзным и общественным деятелям — то-есть "всем, всем, всем", кто попадается под руку и кто может иметь "влияние". Может быть стоит устраивать "чашки чаю" или митинг — я советовать не рисковую. Но я рискую сказать одно: все это очень серьезно.

Мир висит на острье ножа. Не думайте — так, как думали в Польше, Германии, Чехии или даже Финляндии, что за вывеской атомной бомбы вы, ваша семья и ваш текущий счет — если он у вас имеется — находитесь в полной безопасности. Чрезвычайно возможен такой ход событий, когда именно от нас — бесспаспортных и безгласных будет зависеть тот миллиграмм, который склонит "чашку весов" — то ли в сторону капитализма, то ли в сторону коммунизма — сейчас третьей стороны нет.

Я рискнул бы только на один совет: пожалуйста, не вызывайте к так называемой "мировой совести" — вы понимаете сами, почему этого делать не стоит.

Я проектировал выпускать эту и другие того же рода статьи еще и на французском, испанском и немецком языках — немецкий сейчас более важен, чем вы, может быть, думаете. Но для этого денег нет. Может быть

Только к друзьям

Двенадцать лет тому назад, выпуская первый номер "Голоса России", я обратился к русской эмиграции и сказал: Номер газеты равен цене двух рюмок водки. Если вы интересуетесь Россией, такой, какую она живет и страдает в действительности, — откажитесь от двух рюмок водки в неделю".

Этот призыв был едва ли обычным. Яне знаю, он ли помог. Но в № 13 я уже имел возможность сказать:

"Семь тысяч экземпляров тиража дают газете твердую экономическую базу... Мы просим всякие сборы и пожертвования прекратить, газета уже стоит на собственных ногах..."

в Бельгии, Франции, Германии и других странах вы сможете переводы, выдержки или просто идеи этой статьи как-то протаскивать в те же каналы общественного мнения. Может быть и там можно устраивать чашки чаю или что-то вроде "профсоюзных посиделок". — Думаю, что в этой плоскости мы могли бы и должны были бы объединиться со всеми партиями эмиграции. И никак не буду претендовать, если кто-нибудь "перехватит нашу инициативу": дело идет не об авторских правах, а о жизни или гибели. В нашу гибель я не очень верю — но ведь сколько раз все мы не верили — и я в том числе, что "запад" может быть так безумен и что Сталин может быть так живуч.

Эта статья, в ее русском тексте, будет приложена к следующему номеру "Нашей Страны". Для англо-саксонских стран — она идет с первым номером.

Призыв, во-первых, не помог. И, во-вторых, те люди, которые ему не последовали, оказались более опытными в иностранных делах, чем я. Газету запретили в: Польше, Румынии, Эстонии и Латвии, крали во Франции, — на почте. Этого я не предусмотрел. Как совсем недавно не предусмотрел и некоторых иных вещей, о которых в учебниках географии нет ни слова. Например, о пароходах, на которых почта принимает воздушные письма, принимает деньги и воздушные письма, потом письма не идут никуда, а деньги идут на приход: — уж не знаю, кому именно. Словом, десятка три писем никуда не пришли, мои адресаты их не получили, и газета не получила обещанных материалов из Европы и САСШ. В географии ничего об этом не сказано.

Потом я написал, что на всякие за-прещения мне плевать — (кажется, это было выражено более культурно) — что газета будет посыпаться и наши друзья будут получать. Они получали: письмами, через иные страны и т. п. — это съело все наши финансовые предположения. И, если бы наши друзья услышались бы моего призыва, — газета бы прекратила свое бытие.

Наши старые читатели вероятно еще помнят, что писалось в те идиллические времена: Солоневич — агент Гестапо и ГПУ, свою собственную жену он для рекламы сам взорвал, и всякие другие столь же идиллические вещи. Писалось и о том, что я, где, склачивая себе капитала на штабс-капитанских франках и спинах. Тогда я публично предложил всей зарубежной печати то, что в будущей Рос-

сии должно бы стать законом; общественную проверку всех доходов и всех расходов всех русских изданий. Предложил также начать эту проверку с "Голоса России".

Это предложение было опять-же отклонено неопытностью: на него не отозвалась ни одна газета. Мне кажется, что с тех пор я приобрел несколько большую опытность...

Теперь мне придется начать с призыва в первом номере "Нашей Страны", в несколько иной редакции, но попрежнему совершенно прямо.

Мы — то-есть Юрий Иванович с семьей и я, прибыли в Буэнос Айрес полтора месяца тому назад — без копейки денег. Наша "организация" оказалась форменным скандалом: люди, на поддержку которых мы — то "организационной схеме", могли бы рассчитывать, начисто умыли руки — до совершенно анекдотических случаев включительно. Люди, которые ни в какие "организационные схемы" не входили, нас кормят, пога-ют и даже снабдили меня шляпой. Они же дали деньги на издание по крайней мере первых номеров.

Мои авторские гонорары в Германии, Польше и прочих странах по ту сторону занавеса — пропали просто. Те же гонорары в Англии, Дании, Франции и прочих странах оказались "замороженными германскими капиталовложениями". Издательства предполагают, — вероятно искренне, — что от уплаты этих гонораров им удастся отвертеться, — там что-то от 10 до 20 тысяч долларов. Мне сейчас нужно ОЧЕНЬ МНОГО денег. Те люди, которые предполагают, что на эти деньги я заведу скаковую конюшню, — могут о дальнейшем не беспокоиться.

Сейчас дело идет не о двух рюмках водки и не об информации "толь-

.....Глеб Томилин.....

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

Все права сохранены за редакцией.

Гл. 1. Появление научного работника

На ст. Лысково Забайкальской железной дороги скорые поезда останавливались редко, только по специальному заказу мимоезжей администрации. Когда-то, во времена одноколейного пути, здесь был разъезд и здесь поезда проставляли часами, иногда и сутками, ожидая своих встречных товарищей, застрявших где-то в заносах, обвалах, паводнях, лесных пожарах и прочих разновидностях таежного пути. С прокладкой второго пути разъезд был упразднен, и станция заглохла.

В виду того что остановка скорого поезда Иркутск-Чита произвела на станции некоторую сенсацию. Белобрызгий телеграфист Васька высунул половину своего туловища из окна, начальник станции тов. Лизайко вышел на перрон во всеоружии своих флагиков, и даже начальник ж.-д. охраны тов. Жучкин шагал взад-вперед по тому же перрону, растирая ширинками ладонями свое заспанное медно-красное лицо.

Больше на станции не было никого. Звания начальника станции и начальника ж.-д. охраны были просто пережитком одноколейного прошлого:

ни тов. Лизайко, ни тов. Жучкин не начальствовали ни над кем, в их персонах концентрировалась вся администрация и вся охрана недоросшего железнодорожного узла.

Поезд подошел, и, лязгнув тормозами, остановился. Из вагона первого класса показалась тыловая часть чьего-то туловища, потом по вагонным ступенькам спустились чьи-то ноги, потом кто-то из вагона помог вытолкнуть на перрон довольно странного вида багаж, в котором опытный глаз мог бы опознать седло и конские вышки. Новоприбывший пожал чьи-то услужливые руки, повернулся к голове поезда и машинал рукой; — какой жест был понят как сигнал к отправке. Тов. Лизайко поднял свой традиционный флагок, и поезд мягко, как по сливочному маслу, уплыл в туманную даль таежных хребтов. Начальник ж.-д. охраны поправил свой пояс и мужественно зашагал на встречу новоприбывшему и его багажу.

На ходу опытный глаз начальника железнодорожной охраны внимательно рассмотрел и новоприбывшего и его багаж. Новоприбывший оказался довольно высоким человеком, лет тридцати пяти, одетым во что-то вроде

занного оборонного характера путешествия тов. Светлова.

Прочтя это удостоверение, тов. Жучкин щелкнул каблуками еще раз и вернул удостоверение тов. Светлова.

— К вашим услугам, — сказал он дипломатически...

— Так вот что, товарищ...

— Жучкин...

— Так вот что, товарищ Жучкин, мне нужны кони, одни верховой, другой — под выюк. За наличный расчет. Цена безразлична. Но очень важно — время. Желательно, как можно скорее.

Жучкин еще раз осмотрел Светлова и его багаж. Тов. Светлов производил впечатление человека, видавшего разные виды и разные ландшафты. Багаж был, повидимому, тяжел, но вполне под силу крепким сибирским коням. Ружье было, повидимому, снабжено оптическим прицелом — такие прицелы тов. Жучкин издал видел в Москве, в зените своей охранной карьеры. Упоминание о наличном расчете и о безразличности цены оставило приятный след на душе тов. Жучкина.

— Ежели за наличный расчет — так можно сразу. Дороговато, конечно, выйдет, — ежели через правление колхоза...

— Нет, уж, товарищ Жучкин, лучше без правления колхоза. Мне надо выехать часа через два, а еще лучше — через час, с правлением мы тут будем квитаться...

— Оно, конечно, ежели через прав-

ко о России", — дело идет о жизни и смерти, — о будущей войне и о том, что будет после нее. Каждый из нас может сделать очень мало но что-то может сделать каждый из нас.

Есть две основных и ближайших языка.

Первая: волль по адресу иностранцев вообще и САСШ в особенности — изложенный в первом номере "Нашей Страны". Вопли такого рода нужно распространять в том количестве, которое только нам доступно и теми способами, какие только возможны. Это, как мне кажется, само собою понятно.

Вторая: дальнейшее существование газеты — не столько как самоцель, сколько как "приводной ремень" к целой массе других вещей и возможностей.

Дальше: у меня готовы рукописи двух книг: а) "Бела ЯИмперия" и б) "Диктатура Импетентов" — о них я буду писать в следующем номере. Над этими книгами я работал десять лет. Нужно найти возможности издания этих книг, хотя бы на русском языке.

Двенадцать лет тому назад я предлагал русскому зарубежью честную информацию о России. Теперь всякий среднезримный человек должен согласиться, что эта информация была честной и что она была правильной: во всяком случае никакой "эволюции", предсказанной любиной наших профессоров, — в СССР не произошло. Но никакой "конструктивной политики" я не предлагал. Теперь — после десяти лет новых тюрем, новых лагерей и новой работы, — я имею право ее предложить.

Маленькая оговорка: я никак не лезу в вожди. По двум причинам: я — монархист и признаю одного толь-

ЦЕНА НОМЕРА:

Северная Америка — 25 ам. центов
Южная Америка — 1 арг. позо.
Бельгия — 6 бельгийских франков.
Франция — 25 франц. франков.
Англия — 1 шиллинг.

В остальных странах — приблизительно из расчета 25 ам. центов, с поправками на всякие "курсы дня" и с тем, что наших представителей редакция просит установить цену самим. Из тех стран, откуда это возможно, просим слать переводы непосредственно в адрес редакции деньгами, чеками или почтовыми купонами.

Цена номера и в подписке и в рознице одинакова. Подписка принимается на 10, 20, 30 и т. д. количество номеров.

Объявления:
о розысках 1 доллар
остальные — строка в
1 колонку 20 центов

ко "вождя" — Державного. Я НЕ организатор. Требовать с меня организации было бы так же безнадежно, как пытаться доить божью коровку: ничего не выдоите. Но, то что я могу, — ИМЕЮ ПРАВО, сказать русскому зарубежью — в русском зарубежье не может сказать никто иной.

А у нас сейчас нет ничего: ни своего угла ни своего стола.

Я обращаюсь за новой помощью к нашим старым — может быть и новым друзьям. В особенности, к людям обеих Америк, откуда ко всем нам — наследникам европейской культуры, европейских Гегелей и гегелят наследники траперов и скваттеров шлют деньги, пишу, одежду и даже идеи. От идеи — позвольте мне отказаться на отрез.

К НАШИМ СТАРЫМ ЧИТАТЕЛЯМ

1) Новое название газеты вызвано тем обстоятельством, что в Буэнос Айресе уже издается советская газета под заголовком "Наш Голос". Но "Наша Страна" является только продолжением "Голоса России" без каких бы то ни было изменений его основной политической линии.

2) "Наша Страна" автоматически рассыпается по той части наших старых адресов, которые удалось как-то снести. Их — около трех тысяч и они охватывают почти все страны мира — конечно, за исключением стран за пределами "железного занавеса" и за исключением Германии. — В Германию газеты будут посыпаться иным путем.

3) Эти адреса с одной стороны охватывают только около половины всех наших прежних читателей в странах "западного блока" и, с другой стороны, в эти три тысячи попало, конечно, какое-то количество людей, уже скончавшихся — и физически и духовно. Редакция — в меру ее финансовых возможностей, предпочитает возобновить свою старую связь с читателями с разумеющим, пока сообщение о возобновлении издания дойдет, скажем, до Новой Зеландии и обратно. Следовательно: а) газета дойдет не до всех наших прежних читателей и б) она попадет в адреса людей усопших — в Бозе или в Сталине — умерших, переехавших на другие места или пе-

Редакция обращается с просьбами об откликах прежде всего к самым "ближним своим", то есть в данном случае, к читателям в Ю. Америке. Отклики из Северной Америки могут прийти не раньше двух месяцев, а два месяца — это очень долгий срок.

ресевших в другую идеологию. Поэтому, людей живых и оставшихся мы просим возобновить нашу связь возможно скорее.

ФИЛОСОФСКОЕ УСТРОЙСТВО ЖИЗНИ

По философу Платону — в изложении проф. Новгородцева:

"Платон установив для граждан своего проектируемого государства в подобнейшие законы, предусмотрев кажды й шаг их, предлагает организовать систему постоянных увещеваний и убеждений общества в истине основного государственного строя, который он хочет осуществить. Он предлагает составить хоры, которые будут петь гражданам на разные лады, что добродетель и счастье неразлучны, что гражданин должен стремиться к общему благу и не уклоняться от предназначенного пути. Песнопения и славословия должны вечно раздаваться в этом обществе."

Философ Фихте — в оригинальной упаковке: "О государстве разума":

"Каждый должен быть уверен, что малейшее нарушение закона будет неминуемо наказано. Для этого следует установить зоркий и неусыпный контроль над жизнью граждан. Полиция должна знать каждую минуту дня и ночи, где находится и что делает каждый гражданин".

А мы-то думали, что Агитаторы свалились на нас только от Ленина-Сталина...

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ГАЗЕТУ "НАША СТРАНА"

ление, то уж тут бюрократизм проходит... дня два уйдет...

— Давайте — без бюрократизма. Есть у вас на виду что-нибудь подходящее?

— Это — найдем. А вы, товарищ Светлов, может быть пока что — чайку у меня испили?

Научный работник согласился на чай. Седло и вьюки были оставлены на перроне ("тут никто не тронет", заверил тов. Жучкин), ружье было взято под мышку, и новые знакомцы запагали к квартире начальника охраны. По дороге тов. Жучкин представил научного работника начальнику станции: "член академии советских наук", — сказал он туманно, — "сегодня же отыскают дальше..."

Телеграфист Васька был послан за каким-то мужиком. Из окна квартиры начальника охраны выглянуло замечательно круглое женское лицо, которому тов. Жучкин крикнул еще с дороги:

— Дунька! Самовар и яичница — живо!

Лицо спряталось. Жучкин и Светлов вошли в чисто прибранный комната, наполненную запахом табака, настурции, жареного лука и спирта. Впрочем, запах спирта принес, может быть, начальник охраны: на перроне на ветру этот запах был мало заметен, комнату же он наполнил сразу. Научный работник слегка нюхнул носом. Начальник охраны решил перейти в стратегическое наступление:

— Яичница будет сейчас — водичка, не соблаговолите?

— Водички — это можно соблаговолить, — согласился научный работник. Тов. Жучкин понял, что лед сломан и что лошади за наличный расчет могут оправдать самые розовые надежды. Жена начальника охраны вкатилась в комнату, держа в руках скатерть и посуду. Тов. Жучкин великокровно представил ее своему гостю:

— Это жена моя, Авдотья Петровна, позвольте представить... А это профессор советских наук товарищ Светлов...

Тов. Светлов протянул руку. Авдотья Петровна сгрузила посуду на стол, вытерла свои руки о передник и слегка покраснела. Внешним видом она напоминала ряд хорошо подрумяненных сдобных булочек, наклеенных одна на другую, самая крупная находилась посередине, другие были налеплены сверху, с боков спереди и даже сзади. Все это были очень веселые и жизнерадостные булочки, готовые хихикать по первому же подвернувшемуся поводу.

— Ужасно приятно, — сказала Авдотья Петровна, после чего скатерть, тарелки, стопочки и прочее как-то сами собой разместились на столе. Потом появилась яичница, водка, соленые огурцы, кислая капуста, грибы, сало — а в кухне начал поспевать самовар.

— Как, значит, поручение ваше секретно, сказал начальник охраны, то я и спрашивать не смею. А, вот, поз-

вольте полюбопытствовать — что это за ружьё у вас, занятное какое-то, оптическим прицелом, что ли?

— Да, с оптическим, сказал тов. Светлов, вынул ружье из чехла и протянул его Жучкину. Ни такого ружья, ни такого прицела тов. Жучкин не видел еще никогда. С военно-охотничьим интересом он рассматривал это оружие, производившее впечатление точного хирургического инструмента. Прикинулся в руках, прицелился в окно...

— Десятизарядный автомат Ремингтона, пояснил Светлов. Вероятно, самая точная винтовка современности. На версту хороший стрелок положит в головную мишень из десяти пуль — скажем все десять...

— Вот это — да! восторженно сказал Жучкин. В Божий свет, как в конечку, вот что значит передовая техника!

— Ничего, товарищ Жучкин, успокоительно сказал Светлов — и догоним и перегоним.

Вышли по стопочке. От второго тов. Светлов отказался. Тов. Жучкин сожалением отодвинул и свою стопочку, вышел в кухню, и проглотил там полбулыки. Авдотья Петровна доложила о приходе Васьки с мужиком и с лошадьми. Жучкин на минутку исчез и снова появился в сопровождении коренастого мужиченки, глаза и нос которого с трудом разыскали три незаросших проталинки, все остальное утопало в чаще бороды. Мужик привел двух неказистых, но таких же

коренастых, как и он сам, сибирских коньков. Вышли, осмотрели. Научный работник оказался весьма сведущим человеком: осмотрел зубы и бабки, пощупал шею и произвел еще ряд манипуляций. По вопросу о цене — мужик заломил совершенно несусветимую цифру, так что у Жучкина даже дыханье перехватило: сорвят, сунут сыи, всю комерцию. Но научный работник не проявил к цене решительно никакого интереса, вытащил из своей походной сумки пачку кредиток, отсчитал требуемое количество и попросил присутствующих помочь оседлать коней.

— Сейчас, тов. Светлов, — сказал Жучкин — вот только расписку приготовим.

— Мне она не нужна, сказал Светлов, а вам — если нужна — распишитесь. Но душа тов. Жучкина проползла сожаление: эх, еще бы тысячку можно было бы подработать — слушали мы...

Багаж был принесен с перрона, кои были навьючены, пожелания счастливого пути были сказаны, Светлов сел на одного коня, ведя на поводу другого, обитателя станции Лысково остались у себя дома. Жучкин вручил мужику половину полученных кредиток, а другую оставил себе, мужик пошел в Госспирт. Тов. Жучкин хлоннулся еще полбулыки, а научный работник тов. Светлов исчез за поворотом дороги.

(Продолжение в след. номере).